

К ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ФОНОЛОГИИ

В. И. ЛЫТКИН

В КАКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЕ НУЖДАЕТСЯ ФОНЕТИКА

Известно, что в потоке речи встречается множество различных звучаний, отличающихся друг от друга в физическом отношении. Экспериментальной фонетикой, например, установлено различие между звучаниями *a* в следующих словах: *мал, мать, чай* и т. д., или между звучаниями *c* в словах: *сам, сом, сум* и т. д. При сосредоточении нашего внимания на звучение мы можем в некоторых случаях уловить такое различие и на слух: например, в словах *этот* и *эти* различие в звучании *э* мы можем уловить и без аппаратуры экспериментальной фонетики: звук *э* первого слова является ненапряженным и более открытым, чем *э* второго слова, являющийся напряженным и более закрытым гласным.

Акад. А. А. Шахматов¹, например, различает следующие шесть *y*: 1) заднерядное ненапряженное *y*, встречающееся в безударных слогах (*душа, гулять*); 2) заднерядное напряженное *ÿ*, встречающееся в ударяемых слогах (*гул, слух, дÿшу*) и в неударяемых слогах после твердого *л* (*луна*); 3) среднерядное ненапряженное *ÿ* в неударяемых слогах после мягкого согласного: *чÿдак, сюда (с'ÿдà)*, *людской (л'ÿтскóй)*; 4) среднерядное напряженное *ÿ* в слогах, ударяемых после мягкого согласного: *чÿда (ч'ÿдо)*, *отовсюду (атафс'ÿду)*, *рюмка (р'ÿмка)*; 5) переднерядное ненапряженное *ÿ* в ударяемых слогах между мягкими согласными: *людей (л'ÿд'áй)*, *любить (л'ÿб'йт')*; 6) переднерядное напряженное *ÿ* в ударяемых слогах между мягкими согласными: *люди (л'ÿд'и)*, *любит (л'ÿб'ит)*. Таким образом, акад. Шахматов различает в русском литературном произношении шесть *y*-овых звучаний (*y, ÿ, ÿ, ÿ, ÿ, ÿ*), улавливаемых, повидимому, им на слух. Если же подвергнуть русское литературное произношение экспериментальному исследованию с применением соответствующей аппаратуры, то количество *y*-овых звучаний значительно возрастает, поскольку в таких словах, как *душа* и *кушак* (по Шахматову, здесь один и тот же звук), будут два звучания, получаемые под влиянием соседних согласных разного качества (*ð, к*). Варьирование количественного характера в звучании *y* будет происходить и в зависимости от положения этого звука по отношению к ударению: в словах *слух* и *луна* (А. А. Шахматов считает, что в этих словах произносится заднерядное напряженное *ÿ*), несомненно, два *y*-овых звучания, точно так же, как в слове *сундуку* три разных *y*-овых звучания. Аналогичным образом мы можем установить десятки *a*-овых звучаний, например, в словах: *воды (вад'ы)*, *пять (п'ат')*, *мал, огород (агарóт)* и т. д.; десятки *ы*-овых, *с*-овых и т. д. звучаний: *сам, сом, узкий (ÿский), воз (вос)* и т. д.

¹ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, изд. 4-е, М., 1941, стр. 98—99.

Наличие в языке множества звучаний в пределах одного звука — это факт, не подлежащий сомнению. При этом такое явление звукового варьирования свойственно любому языку. Однако при изложении звуковой системы языка, например русского литературного языка, обычно говорят (начиная со школьной грамматики и кончая академической) не о 15—20 разных *y*, *a*, *c* и т. п., а об одном *y*, об одном *a*, об одном *c* и т. д. В чем тут дело? Почему имеется возможность объединить эти звучания в одном звуке? Такое объединение возможно потому, что все эти *y*-овые (как и *a*-овые, *c*-овые и т. д.) звучания в целом выступают в языке в качестве одной смысловозначительной величины, составляя, по выражению акад. Л. В. Щербы, «звуковой тип».

Звучания, объединяемые в один звуковой тип, имеют свои специфические артикуляционно-акустические признаки (характерные признаки), которыми они и отличаются от звучаний, объединяемых в другие звуковые типы в данном языке. Благодаря наличию физико-физиологических свойств звучаний одного типа и возможно выполнение звуком смысловозначительной роли в том или ином конкретном языке. Однотипные звучания (напр., k^1 , k^2 , k^3) в языке все время противопоставляются звучаниям других типов (b^1 , b^2 , b^3 ; g^1 , g^2 , g^3 ; m^1 , m^2 , m^3 и т. д.) — одним противопоставляются в одном акустико-артикуляционном признаке, другим — в другом, третьим — в третьем. Например, звуковой тип *k*, в котором объединяются звучания k^1 , k^2 , k^3 и т. д., противопоставляется *g* своей глухостью, т. е. отсутствием голоса (голосовые связки не дрожат); именно этот физико-физиологический признак выполняет социальную функцию различения слов и морфем, ср.:

k^1 ора — k^2 уст — k^3 от — k^4 рот — выделенный согласный глухой,
 g^1 ора — g^2 уст — g^3 од(гот) — g^4 рот — « « звонкий.

Характерным признаком этого *k* по сравнению с *x* уже будет мгновенность (взрывность), получаемая вследствие соответствующего способа артикуляции органов речи (смык и взрыв) и воспринимаемая акустически как особый вид шума, ср.:

мо k^1 — му k^2 а — со k^3 — мгновенный согласный,
 мо x^1 — му x^2 а — со x^3 — фрикативный согласный

Характерным признаком этого *k* по сравнению с *t* будет уже то специфическое звучание, которое получается вследствие иного места образования (*k* — задненебный согласный, а *t* — зубной), ср.:

k^1 от — k^2 ак — ма k^3 — k^4 ур — задненебный согласный,
 t^1 от — t^2 ак — ма t^3 — t^4 ур — зубной согласный,
 и т. д.

Таким образом, все звучания, принадлежащие к определенному звуковому типу, выступают в каждом отдельном языке смысловозначителями, благодаря наличию в них общих физико-физиологических признаков. Для *k*, например, такими общими признаками являются: глухость, мгновенность, задненебность и т. д., которые свойственны всем звучаниям, объединяемым в данный звуковой тип; стоит потерять тот или иной характерный признак, как звучание переходит в другой звуковой тип; например, *k* в слове *также* (произн. *тагже*), потеряв глухость, или, вернее, приобретши звонкость под влиянием следующего звонкого *ж*, переходит уже в ряд звучаний, объединяемых в другой звуковой тип (*g*).

«В живой речи, — говорит акад. Л. В. Щерба, — произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных

звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами².

С. К. Шаумян, не желая понять фонетическую концепцию акад. Л. В. Щербы, приписывает этому выдающемуся советскому ученому то, чего нет в его теории звуков. По мнению С. К. Шаумяна, Л. В. Щерба объединяет звуки речи в звуковые типы исключительно на основании их акустико-физиологического родства, без учета их социальной функции, функции смыслоразличения: «До тех пор, — пишет С. К. Шаумян, имея в виду учение Л. В. Щербы, — пока звуковые единицы языка приравнялись к звуковому типу, было непонятно, каким образом однотипные звуки [e] и [e] во французском языке составляют две единицы, а в русском — одну»³. Между тем даже в том определении фонемы акад. Щербы, которое приводит в своей статье С. К. Шаумян, ясно и определено дается критерий выделения звуковых типов — способность «дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения» (Щерба), то есть та смыслоразличительная функция, которую указывает в своем определении С. К. Шаумян: «Фонема есть звуковая единица, служащая знаком для различения слов» и т. д. (стр. 331). При этом такое выделение звуков-смыслоразличителей производится в каждом конкретном языке, а не в мировом масштабе: звучания объединяются в звуковые типы «в каждом данном языке» (Щерба).

Однако С. К. Шаумян, ничтоже сумняшеся, бросает в адрес акад. Щербы следующие слова: «... Должны со всей решительностью сказать, что приравнивание фонемы к звуковому типу — плод недоразумения» (стр. 340). Но сказать, хотя бы даже «со всей решительностью» — этого мало, наука требует доказательства, а доказательство требует знания фактов и добросовестной интерпретации чужих мыслей. Очевидно, с той же неожиданной «решительностью» С. К. Шаумян считает Бодуэна де Куртенэ «стихийно стоявшим на функциональной точке зрения» (стр. 340) в понимании фонемы. Между тем Бодуэн, если и стоял в первый период своей научной деятельности на такой точке зрения, то в более зрелом возрасте он стал отходить от функционализма и стал развивать свое учение в ином направлении, а за раннюю фонологическую концепцию его ухватились зарубежные фонетисты-эмигранты (Трубецкой, Якобсон и др.) и в дальнейшей разработке теории фонем они пошли по неприемлемому для нас пути. Чтобы не быть голословным, приведу цитату из более поздних работ Бодуэна де Куртенэ:

«Так, напр., в словах v'oz (вез), l'od (лед)..., точнее, со стороны воспринимателей, v'os, l'ot..., мы имеем: новейшее исторически явление конечных глухих согласных s, t..., может быть, у некоторых носителей русского языкового мышления уже отделившихся, как всесторонние самостоятельные фонемы, от фонем z, d... форм v'ez-lá (везла), v'ez-ú (везу), l'd-a (льда), l'd-om (льдом)...»⁴.

В другом месте А. И. Бодуэном представлены фонемы русского языка определенно в духе более поздних высказываний Л. В. Щербы — об этом гласит следующая таблица, приведенная в его «Введении в языковедение»⁵:

² Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, изд. 2, 1939, стр. 16—17. Разрядка наша. — В. Л.

³ С. К. Шаумян, Проблема фонемы, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. 11 (1952), вып. 4, стр. 340. — Дальше ссылки на эту статью даны в тексте, с указанием лишь страниц.

⁴ Бодуэн де Куртенэ, Введение в языковедение, 1917, стр. 143.

⁵ Там же, стр. 127.

«Перечень соответствий графем фонемам:

Фонемы	Графемы
р, р'	п, б: поп, лупка, раб, пробка..., сыль, дробь...
t, t'	т, д: рот, катка, род, водка ..., муть, гладь...
к, к'	к, г: рок, рог...
f, f'	ф, в: пуф, ров, лавка...
s, s'	с, з: нос, вог..., брось, мазь и т. п.»

Как известно, функционалисты-фонологи считают приглушенные согласные разновидностью соответствующей звонкой согласной фонемы, например, в *воз* (*вос*) — *воза* они считают *с* и *з* разновидностями одной фонемы.

Мы не думаем, что С. К. Шаумян не понимает теорию звуков акад. Щербы. Повидимому, ему все это известно. Дело в том, что С. К. Шаумян, на нескольких страницах «вскрывая» ошибки целого десятка фонологов разных школ, решил заодно расправиться и с Щербой, одним росчерком пера уничтожить его заслуги в области теории фонемы. С. К. Шаумяну захотелось во что бы то ни стало спасти «свою» фонологическую концепцию от покушений со стороны таких «эмпириков» (переодевающих «старое эмпирическое понятие звука речи в новый термин», «в фонологическую терминологию»), какими являются, по мнению С. К. Шаумяна, акад. Щерба, член-корр. Академии педнаук проф. Гвоздев и т. д.

Знаменательно, что «разбору» фонетической системы этих советских ученых посвящено полстранички под заголовком «Недоразумение (!—В. Л.) по поводу фонемы». Такого рода «рецензий» на фонологов в статье С. К. Шаумяна немало. Вообще по заносчивости и кичливости тона своих высказываний С. К. Шаумян несколько не уступает т. Ярошенко, которому посвящены следующие слова И. В. Сталина: «Нельзя не признать, что т. Ярошенко не страдает скромностью. Более того, пользуясь стилем некоторых литераторов, можно сказать: «даже совсем наоборот»⁶.

С. К. Шаумян приводит весьма пространные рассуждения (см. стр. 327—329) для доказательства того, что критерием определения фонемы является употребляемость звука в качестве знака «для различения слов» и что в одном языке те или иные звуки являются самостоятельными фонемами (например, франц. *э* и *е*), а в другом — вариантом одной фонемы (например, в русском языке в словах *этот* и *эти*). Между тем специалистам (а статья предназначена для специалистов) это давно известно, является элементарным положением, против которого никто из советских фонологов не возражает; мало того, даже пример с французским *э* и *е* неоднократно приводился в элементарных пособиях для студентов⁷. Да и не от Л. В. Щербы ли пошло утверждение этого положения? Оно подробно рассматривалось Л. В. Щербой в 1916 году.

Не было бы, однако, большой беды в этом повторении студенческих азов (повторение — мать ученья), если бы эти рассуждения С. К. Шаумяна не привели к странному выводу: «Выходит, что звуки [ε] и [e] во французском языке, — пишет С. К. Шаумян, — представляют собой две разные единицы, а в русском языке — одну единицу, именно как знаки для различения слов. Отсюда следует, что звуки в языке обладают двойственной природой: физической и функциональной» (стр. 329. Разрядка наша. — В. Л.).

В этом неверном умозаключении кроется коренной порок концепции,

⁶ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 83.

⁷ См., например, М. И. Матусевич, Введение в общую фонетику, Л., 1948, стр. 12; также Л. В. Щерба, Фонетика французского языка, М., 1948, §§ 4, 5, стр. 14—20.

которую излагает С. К. Шаумян. Приведенный факт относительно [e] и [e̞] не дает никаких оснований для вывода о той двойственной природе звука (физической и функциональной), о которой говорит автор, — этот факт говорит только о том, что в одном языке исторически выработались одни звуки для различения слов и морфем, а в другом — другие.

С. К. Шаумян своим утверждением, что «физическое тождество и функциональное тождество качественно отличаются друг от друга» (стр. 329), совершенно отрывает саму функцию от того, что функционирует, т. е. от физической природы звука. Получается, что слова различаются друг от друга чем-то бестелесным, чем-то «без природной материи». Словом, у С. К. Шаумяна материя исчезла. Между тем мы знаем, что наш язык, язык слов, для различения которых служат фонемы, облечен в звуковую материю: «Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей»⁸.

Нельзя отрывать функцию от функционирующего: фонема функционирует, т. е. выступает в качестве смысловозначителя, только потому, что она имеет определенное звуковое качество, представляет собой определенный физический звук.

Отрыв функции звука от его физической природы с необходимостью приводит к отрыву фонологии от фонетики. Стоя на функционалистической позиции в понимании фонемы, нельзя объединить фонологию с фонетикой (всякое такое объединение будет искусственным), ибо фонетика изучает звуки языка, фонема Трубецкого и С. К. Шаумяна не имеет определенного звукового качества: «совершенно одинаковые звуки могут рассматриваться как разные фонемы» (стр. 332).

Совершенно верно, что «с одной стороны, звуки языка входят в класс физических явлений, а с другой — принадлежат языку как орудию общения людей» (стр. 334). Однако это не дает основания отрывать функцию фонемы от физического звука, ибо социальную нагрузку в языке несет не голая функция звука, а физический звук, дифференцирующий смысловые единицы языка.

У С. К. Шаумяна нет ясности в понимании звуков, которые появляются в речевом потоке. С одной стороны, он говорит «о количественной безграничности звуков (физических. — В. Л.) в каждом языке» (стр. 327; это совершенно верно), с другой стороны — он пишет, что «звук [e̞] и [e], рассматриваемые сами по себе, т. е. как чисто физическое явление, представляют собой разновидности одного и того же звука» (стр. 328. Разрядка наша. — В. Л.). Совершенно непонятно, как это два физических звука могут быть разновидностями третьего (физического? Если не физического, то какого?) звука, которого к тому же и назвать нельзя. Может быть, во втором случае С. К. Шаумян понимает под звуком один из тех звуков речи, которые фигурируют в таблицах по общей фонетике, где часто однотипные звуки объединяются в гнезда (e, e̞; a, a̞; Λ, э и т. д.)? Во всяком случае он в своей статье очень часто оперирует термином звуки языка, понимая под ним не свои фонемы и не бесчисленное множество физических звуков, а что-то другое, весьма ограниченное в своем количестве (см. стр. 331—334). О том, что С. К. Шаумян из безграничного числа физических звуков языка выделяет определенное количество звуков, говорят и следующие слова его: «Как известно, с физической точки зрения звуки представляют собой кратчайшие отрезки речевого потока» (стр. 331). Словом, у С. К. Шаумяна, кроме бесчисленного множества физических звуков, появляющихся в речевом потоке, существует еще ограниченное количество звуков языка — тоже физических, но представляющих собой «кратчайшие отрезки речевого потока» (повидимому, качественно варьирующие). Кроме этих двух категорий зву-

⁸ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 46.

ков, в концепции С. К. Шаумяна существует еще третья категория — фонема. В вопросе о физических звуках, наличествующих в акте речи, дело обстоит несколько иначе. Кратчайшими отрезками (если и можно их иногда выделить в физических звуках потока речи) будут вовсе не те *а, б, в, л, о* и т. д., которыми мы привыкли оперировать при изучении фонетики, а совершенно другие. Поэтому именно мы не можем правильно рассчитывать на звуки контекст незнакомого языка, в особенности, если он состоит из звуков, не похожих на звуки известных нам языков.

Вообще в словах незнакомого языка трудно установить границу между звуками, так как между многими звуками речевого потока не существует границ физического характера (даже аппаратура экспериментальной фонетики не всегда может установить грань между звуками речи). Если мы в слове *изба* выделяем не два и не десять, а четыре физических звука, то это происходит не потому, что эти четыре звука представляют кратчайшие отрезки речевого потока с физической точки зрения, а потому, что они выступают в языке в целом как звуки-смыслоразличители (ср.: *чистый — частый, заряд — наряд, бой — вой, сам — сом* и т. д.). Собственно, и сам С. К. Шаумян об этом говорит на той же странице: «Членораздельность звуков речи, о которой принято говорить в лингвистической литературе, есть в сущности не что иное, как именно: функциональное членение речевого потока, если подходить к языку как социальному явлению» (стр. 331). Если отбросить из этой цитаты неприемлемую для нас функционалистическую терминологию, то получается, что в контексте данного конкретного языка мы выделяем звуки, ориентируясь на их смыслоразличительную роль. Другого критерия выделения кратчайших отрезков речевого потока у нас нет. Только авторы, далекие от понимания социальной сущности звука языка, могут выделять в контексте с физической точки зрения какие-то кратчайшие отрезки.

Высказывая правильную мысль относительно количественной стороны (так условно назовем эти «отрезки») звуков языка, С. К. Шаумян, увлеченный функционалистической концепцией фонологии, не идет дальше, не подходит с такой же меркой к качественной стороне звуков. С. К. Шаумян видя в каждом языке безграничное количество звуков, вероятно полагает, что в звуках языка нет возможности устанавливать какие бы то ни было качества, что в звучании речевого потока полный хаос. Между тем задолго до появления работ по фонологии Н. С. Трубецкого, которого С. К. Шаумян считает «фактическим создателем фонологии», звуки родного языка были установлены легко и просто (еще в старославянском языке составителем азбуки звуковой состав был установлен довольно точно), так как они выступали различителями слов того или иного языка. Это прекрасно известно каждому лингвисту, которому приходилось устанавливать фонемный состав (в понимании Щербы) новых языков или диалектов — не умозрительным путем, а эмпирически, путем эмпирического анализа, которого почему-то особенно боится С. К. Шаумян. Объект исследования вам всегда подскажет, что является фонемой, какой звук имеет значимость в данном языковом коллективе для различения слов. А Трубецкой и иже с ним, сидя в Праге и Вене, оторванные от русской действительности, преподносили умозрительную фонологию.

Акад. Л. В. Щерба не раз предупреждал, что мы не должны навязывать свои фонетические взгляды представителям того или иного языка, а должны фиксировать лишь наличие фонетической системы. «При диалектологических исследованиях самым трудным (и едва ли не самым важным) является не записывание разных тонких отличий, а констатирование того, какие отличия в данном языке важны, а какие не важны, с точки зрения смысла, и здесь приходится со своим аршином, со своими языковыми привычками не приходится, так как зачастую то, что мы считаем грубыми отличиями, туземным населением вовсе не воспринимается, а то, что мы считаем не-

важной subtilностью, на самом деле ассоциируется с морфологическими и смысловыми представлениями, а потому ясно всякому туземцу, и может быть констатировано малым ребенком, которому объяснили, что от него хотят»⁹.

Разграничение одного звука от другого в качественном отношении могло произойти только потому, что эти звуки, эти физические звуки выступают смыслоразличителями. Сами звуки речи, которыми оперируют фонологи и фонетисты всевозможных школ, существуют как таковые, как языковые величины, в отличие от бесконечного множества физических звучаний потока речи, только потому, что они в каждом данном языке выступают в роли смыслоразличителей. Они, обладающие определенными физическими свойствами, в процессе выполнения этой смыслоразличительной роли и выкристаллизовались как определенные единицы речи, которые могут быть констатированы «малым ребенком» данного языкового коллектива. В языковой системе нет никаких других звуков, кроме звуков, выступающих в роли смыслоразличителей. Все многообразие физических звучаний, образующихся в потоке речи, объединяется в звуковые типы по признаку сходства звучания и единства функции смыслоразличения. Акад. Щерба именно эти звуковые типы называет фонемами.

С. К. Шаумян искусственно отрывает функцию от звука, называя эту функцию фонемой. Между тем звук речи, звук определенного физико-физиологического качества, вне своей социальной функции вообще не может существовать в языке. Звуки речи выделились в общественном сознании данного языкового коллектива именно как фонемы (в понимании Щербы).

Непонимание сущности звука речи С. К. Шаумяном приводит к грубой методологической ошибке: к противопоставлению функции звуков самим функционирующим звукам, к отрыву свойства звука от самого звука, обладающего определенным физико-физиологическим качеством¹⁰. Поэтому у С. К. Шаумяна «совершенно одинаковые звуки могут рассматриваться как разные фонемы и, наоборот, резко отличные друг от друга звуки — как варианты одной и той же фонемы» (стр. 332)¹¹.

Игнорирование физической природы звука в трактовке вопроса фонемы привело С. К. Шаумяна к понятию «с м е ш а н н о й» фонемы. «В известных положениях в звуковом потоке члены некоторых фонологических противопоставлений перестают различаться» (стр. 337), например, глухие и звонкие в конце слова русского языка (*лук* и *луг*, произн. *лук*), безударные *а* и *о* (маховик и моховик — *тохав'і'к*, ногой и нагой). «С точки зрения различительной функции звук [к], стоящий в конце слова, следует признать смешанной фонемой [к/г], потому что он объединяет в себе фонемы [к] и [г]. Точно так же и звук [э] должен считаться смешанной фонемой [о/а]» (стр. 338).

Таким образом, прибавляется еще одна языковая единица в звуковой системе языка — четвертая! При этом таких смешанных фонем, пожалуй, будет не меньше, чем чистых (*к/г, т/д, с/з, п/б, ф/в, с'/з'* и т. д.; *л/л', н/н'* и т. д., *о/а, и/э* и т. д.). Акад. Щерба (да и не только он) такую мену звуков *к/г* в словах *лук* (произн. *лук*) ~ *луга*, *о/а* в словах *вады* ~ *вода* (произн. *вада*) называет позиционным чередованием фонем.

У С. К. Шаумяна в результате получается целая иерархия звуковых единиц: физические звуки (их бесчисленное множество в каждом языке), звук речи — членораздельные (они, по мнению С. К. Шаумяна, тоже фи-

⁹ Л. В. Щерба, Русские гласные ..., стр. 19.⁷

¹⁰ См. А. Г. Спиркин, Проблема фонемы и ленинская теория отражения, «Иzv. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», т. 11 (1952), вып. 5.

¹¹ Между прочим, понятие «резкого отличия» звуков в языке нужно считать весьма относительным.

зические, хотя и выделяются в процессе «функционального членения речевого потока»), фонемы (чистые) и смешанные фонемы. Нам кажется, что такая четырехэтажная фонология не может быть жизненной. В такой теории звуков не нуждается ни теоретическое изучение родного языка, ни изучение русского языка многочисленными национальностями СССР и стран народной демократии, ни изучение иностранных языков.

В самом деле, какое практическое применение имеет фонема, которая обозначает «резко отличные друг от друга звуки», например *с-з-с'-з'-ж-ш* в словах *расход*, *развод*, *раздеть* (*раз'д'эт'*), *разжать* (*ражж'ат'*), *расшить* (*рашш'ят'*)¹². Здесь, по Щербе, шесть разных фонем, позиционно чередующихся. Или для чего нужна такая теория фонем, при которой «совершенно одинаковые звуки могут рассматриваться как разные фонемы»? Тем более не имеет никакого смысла выявление еще одной звуковой единицы — «*с м е ш а н н о й*» ф о н е м ы, появляющейся там, где встречаются позиционно чередующиеся звуки речи (например, в финском языке, где наблюдается чередование ступеней согласных, пришлось бы выделить десятки таких «смешанных» фонем: *sata* — *sadan* «сто», *ilta* — *illan* «вечер», *leipä* — *leivän* «хлеб», и т. д.; в коми-зырянском и коми-пермяцком языках «смешанной» фонемой были бы *л/л* в словах: *в'ов* — *в'ом'он* «лошадь», *н'ыс* — *н'ылыс* «девушка» и т. д. Но при выделении таких «смешанных» фонем мы бы привели в полное недоумение представителей этих языков).

Функциональная фонология не только не устанавливает связи фонетики с грамматикой и лексикой, а, наоборот, вбивает клин между звуками речи и морфемами, рассматривая фонему не как звук, имеющий определенное физическое качество, а как минимальную часть морфемы, и тем самым морфологизируя ее. Не случайно С. К. Шаумян (будучи вполне последовательным в этом отношении) отрывает фонологию от фонетики. Разрыв между фонологией и фонетикой может быть ликвидирован только в том случае, если мы будем смотреть на фонему как на звуковой тип, выступающий в языке в роли смысловоразличителя. Звуки речи не нуждаются ни в каких искусственных теориях для установления связи их с морфологическими категориями, ибо звуки речи с момента возникновения языка входят в состав всей языковой ткани (слов, морфем, предложений), выполняя свою социальную функцию смысловоразличения. Они и появились в языке и бытуют в нем только потому, что выполняют определенную нагрузку в акте общения, т. е. являются *з в у к а м и* - фонемами. Этим и объясняется то, что в любом языке эти звуки-фонемы говорящими легко выделяются, так как фонема-звук — это предел членения языка как общественного явления, это — минимальная языковая единица. Возможность установления этих минимальных единиц речи заложена в самой природе звукового языка, характерного своей членораздельностью. А язык с момента своего появления состоял из членораздельных звуков, т. е. звуков, несших определенную социальную нагрузку, звуков, появившихся из потребности общения: «...формировавшиеся люди, — пишет Энгельс, — пришли к тому, что у них явилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась..., а органы рта постепенно научались произносить один ч л е н о р а з д е л ь н ы й з в у к за другим»¹³.

По мнению С. К. Шаумяна, «фонология имеет также и чисто прикладное значение. Так, например, фонология позволяет сделать более рацио-

¹² В статье С. К. Шаумяна, правда, нет этого примера (там вообще мало примеров из известных читателю языков), но приведенный нами пример достаточно хорошо иллюстрирует фонологическую концепцию функционалистического направления фонологии.

¹³ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1950, стр. 6—7. Разрядка наша. — В. Л.

нальным обучению произношению иностранных языков. Всеми также признана необходимость опираться на фонологию в деле создания алфавитов для бесписьменных народностей и рационализации существующих систем письма» (стр. 326). Вряд ли это можно сказать о функциональной фонологии, сторонником которой является автор приведенной цитаты. Зато всем известны положительные стороны учебных пособий по фонетике иностранных языков акад. Щербы, фонологическую систему которого С. К. Шаумян назвал «недоразумением». Известно также, что при составлении алфавитов и выработке принципов орфографии для младописьменных народов СССР ориентация держалась и держится не на «смешанные» фонемы, не на гиперфонемы, не на нулевые фонемы, не на фонемы, обозначающие не звуки, а целые звуковые соответствия, а на фонемы, имеющие реальное звучание. Как известно, ни в одном алфавите младописьменных народов нет особых букв, обозначающих «смешанные» фонемы, — эту особую языковую единицу, рожденную функциональной фонологией; так, например, не придумана особая буква для «смешанной» фонемы коми языков $л \sim в$; закономерно чередующиеся $л \sim в$ (в середине слова перед гласными произносятся $л$, а перед согласными $в$ в конце слова — $в$) обозначаются теми же буквами, которыми обозначаются и «чистые» фонемы $л$ и $в$: ныс «девушка», нылос «девушку», ныным «наша девушка»; оны «жить», ола «живут», ое! «живи!» и т. д. Тот факт, что в младописьменных языках (чувашский, марийский, коми, удмуртский и т. д.) преобладает фонетический принцип орфографии, тоже говорит в пользу фонологической системы акад. Щербы, которая, безусловно, имела большое благотворное влияние на оформление графики при создании письменностей для бесписьменных народов нашей страны. При создании письменности для бесписьменных народов в первые годы революции с полным основанием не держались ориентации на функциональную фонологическую систему Трубецкого; оказавшегося за пределами молодой Советской республики.

Раздел науки о звуках языка, фонетика¹⁴, вовсе не нуждается в той единице речи, которую вслед за Трубецким, Якобсоном и т. д. С. К. Шаумян называет фонемой, ибо его «фонема»¹⁵, не имеющая определенного звукового качества, представляет собой абстракцию, оторванную от «природной материи» языка. Фонетика, занимающаяся изучением звуков языка, нуждается в такой языковой единице, которая имеет определенное физическое свойство, дающее ей возможность выступать в роли различителя смысловых элементов языка. Такой единицей является звуковой тип или фонема в понимании акад. Щербы, представляющая собой действительно звук языка, выполняющий социальную функцию в процессе общения.

¹⁴ Нам кажется, нет никакой необходимости вводить термин «фонология», так как фонетика должна заниматься всесторонним изучением звуков речи, звуков языка.

¹⁵ Греческое слово *phōnēta* означает «звук, голос».